

82

Лев Толстой в Казани

Светлана Коновалова,
директор Музея Л. Н. Толстого в Казани

Прозорливый Лобачевский

Студентом Лев Толстой был никудышным: светская жизнь его кружила, усердия к учёбе не проявлял, интереса к ней не было никакого. Однако ректор Н. И. Лобачевский всё-таки разглядел в Толстом, что юноша этот – «выдающихся способностей». Он и был таковым. И впервые проявилось это в студенческие годы в Казани – в его внутренней «работе над собой», воплотившейся в дневнике, с которого начались беспримерные в мировой культуре по глубине и искренности самонаблюдение и исповедь.

83

Казанские годы рода Толстых

«...Вспоминать предков – отцов, дедов, прадедов моих мне не только не совестно, но особенно радостно», – писал Лев Николаевич Толстой. Одаривший потомство графским титулом Пётр Андреевич Толстой (1645–1729) непосредственно с Казанью, с Казанским краем связан не был. Но этот сподвижник Петра I многие годы состоял послом России в Константинополе, дважды был заключён в тюрьму, что запечатлено изображением семибашенного тюремного замка в гербе графов Толстых, и, можно считать, волею самой своей судьбы завещал своим потомкам интерес к Востоку.

В 1754 году в Казань на службу прибыл Андрей Иванович Толстой (1721–1803), прадед писателя. Десять лет его жизни прошли в Казанской губернии: сначала он – секунд-майор в Казанском гарнизоне, позже – воевода в уездном городе Свияжске.

Илья Андреевич Толстой (1757–1820), дед Льва Николаевича, отставной бригадир, 17 мая 1815 года «с переименованием в статские советники» был назначен казанским губернатором. Пятилетнее управление его губернией началось с драматического события: в начале сентября в Казани произошёл пожар, один из крупнейших в истории города. В этих обстоятельствах новый губернатор проявил энергию и мужество, к тому же организовал сбор пожертвований на восстановление города и сам пожертвовал на погорельцев пятьсот рублей. В местном обществе энергичную деятельность губернатора оценили должным образом. Между тем губернаторство не помогло Илье Андреевичу поправить свои имущественные дела, и они закончились для него катастрофой. Долги составляли около 500 тысяч рублей, в 1818 году его имения в Тульской губернии были описаны, все доходы поступали в приказ общественного призрения для уплаты кредиторам. К тому же летом 1819 года в Петербург поступила из Казани жалоба: Толстого обвиняли во взяточничестве, в казнокрадстве, в бездеятельности. Из столицы в Казань прибыла сенатская ревизия, последовало высочайшее повеление об увольнении Ильи Андреевича от должности без права выезда. Он не перенёс удара судьбы, вскоре скончался и был похоронен на кладбище казанского Кизического монастыря. Дело закрыли – судя по всему, за отсутствием достаточных оснований.

В 1818 году, ещё при жизни губернатора Ильи Андреевича Толстого, взял отпуск и приехал к родным в Казань его сын Николай Ильич (1794–1837), будущий отец писателя, участник Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 годов. Ухудшение здоровья привело к тому, что в 1819 году он оставил военную службу. Во время казанского отпуска (продлившегося до 1822 года) Николай Ильич неоднократно выезжал на лечение кумысом. Будучи в Казани, он, очевидно, присутствовал 26 мая 1818 года на свадьбе своей младшей сестры Пелагеи (или Полин, как её называли близкие) и Владимира Ивановича Юшкова, который принадлежал к известному казанскому дворянскому роду.

Пелагея Ильинична Юшкова благодаря своему замужеству оказалась единственной из семьи Толстых, кто остался в Казани. После смерти своего брата Николая и его жены Марии (в девичестве княжны Волконской) Пелагея Ильинична становится опекуной осиротевших детей и в ноябре 1841 года перевозит из Ясной Поляны в Казань Николая, Сергея, Дмитрия, Льва и Марию Толстых с большим количеством вещей и многочисленной дворней. Так стал на время казанцем будущий «великий писатель земли русской».

Для обустройства жизни вместе с Толстыми чете Юшковых потребовался наём нового дома. Им стал дом Ивана Кузьмича Горталова на Поперечно-Казанской улице (ныне Япеева, 15) в старой части Казани недалеко от Кремля. Двухэтажный дом в пять окон по фасаду размещался в центре небольшой усадебной территории, в глубине её. Здание было построено в начале XIX века по проекту казанского архитектора А. Шмидта в строгом классическом стиле. Обитателями соседствующих домов и кварталов были преимущественно дворянские семьи, но улица не относилась к числу парадных. Невдалеке находился Казанский Богородицкий женский монастырь – достопримечательность города, место явления и пребывания знаменитой Казанской чудотворной иконы Божией Матери. С верхнего этажа дома открывался вид на реку Казанку и слободы за ней. При доме был благоустроенный сад, террасу окружали кусты жасмина, далее располагалась большая клумба белых роз. В конце сада находилась беседка, где любил сидеть Лев Толстой.

Главное для Толстых в годы их жизни в Казани было получить образование, и город предоставлял для этого прекрасные возможности.

У Марии была гувернантка, обучавшая её французскому и немецкому языкам, истории и географии и, кроме того, она посещает занятия в Родионовском институте благородных девиц. Старшие братья Толстые Николай (1823–1860), Сергей (1826–1904) и Дмитрий (1827–1856) поступают на математическое отделение философского факультета Императорского Казанского университета. 3 октября 1844 года студентом университета становится и Лев Толстой.

Странный студент

Учиться Льву Толстому предстояло на восточном отделении философского факультета (разряд турецко-арабской словесности). Выходцу из титулованной дворянской семьи такое образование открывало возможности дипломатической карьеры, о чём для своего младшего племянника мечтала Пелагея Ильинична, возможно, оказавшая влияние на его выбор. А может быть, такой выбор вольно или невольно обусловил их великий предок – отличившийся в Турции дипломат Пётр Андреевич? Это тем более вероятно, что с начала 40-х годов «восточный вопрос» приобрёл особенную злободневность. Такую, что Николай I подготовил проект дележа «умирающей» Турции между Англией и Россией, с коим совершил поездку в

Лондон для переговоров с королевой Викторией. Для Льва Толстого этот «проект» аукнется участием в обороне Севастополя во время Крымской войны.

Выбор был сделан заранее. Графа ещё четырнадцатилетним усадили за изучение турецкого, татарского и арабского языков. Занимавшийся с ним турецким и татарским Казем-Бек удивлялся необыкновенной способности ученика в усвоении языков.

30 мая 1844 года было подано прошение на имя ректора о поступлении в университет. Затем в течение недели проходили экзамены: по Закону Божию, истории, статистике и географии, математике, русской словесности, логике. А также по языкам: латинскому, французскому, немецкому, английскому, арабскому, турецко-татарскому. Лев Николаевич вспоминал, как в день первого экзамена он гулял по Чёрному озеру в саду у подножия Кремлёвского холма и молился Богу о том, чтобы выдержать испытания.

Экзамены по языкам, кроме латыни, он сдал хорошо. По русской словесности и за сочинение получил «четыре» (не разглядели в нём экзаменаторы будущего великого русского писателя). На географии провалился. Попечитель учебного округа Мусин-Пушкин, знакомый семьи, хотел помочь и задал вопрос: «Какие во Франции есть приморские города?» Абитуриент не вспомнил ни одного. С разрешения ректора Н. И. Лобачевского пришлось пересдавать географию...

В Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве находится студенческая шапка писателя – атрибут официального университетского форменного костюма. В университетские годы было сделано и хранящееся в этом же музее первое известное изображение Льва Николаевича – графический портрет небольшого размера работы неизвестного художника. Толстой нарисован в профиль, в сту-

денческом мундире. О том, как выглядел будущий писатель в студенческие годы, вспоминала его казанская знакомая А. Н. Зарницына: «...Лев Николаевич на балах был всегда рассеян, танцевал неохотно и вообще имел вид человека, мысли которого далеко от окружающего, и оно его мало занимает. Вследствие этой рассеянности многие барышни находили его даже скучным кавалером, и едва ли кто из нас тогда думал, что из такого сонного юноши выйдет такой гений, равного которому теперь во всей Европе нет».

Вскоре Толстые съезжают из дома Горталовых, пострадавшего от пожара и нуждавшегося в ремонте. Юшковы выбирают восточную окраину города – новый, «послепожарный» квартал. Двухэтажный дом Киселевского напротив Родионовского института благородных девиц (ныне ул. Толстого, 25/68) был устроен внутри как характерный дворянский особняк с большой парадной залой для приемов и балов. По воспоминаниям Льва Николаевича, верх разделялся хорами над залой, образуя низкий антресольный (третий) этаж. В первой части жил Дмитрий Толстой, в комнате за хорами – Сергей и Лев. Юшковы располагались на первом этаже дома. Старший, Николай, к тому времени окончил университет и отбыл служить на Кавказ. Льва же учёба не увлекала. В конце апреля 1845 года он не был допущен к переводным экзаменам за весьма редкое посещение лекций и малоуспешность.

Несостоявшийся дипломат восточного профиля решил подать прошение о переводе на юридический факультет. Для этого пришлось разговаривать с ректором Н. И. Лобачевским. Пятьдесят лет спустя Л. Н. Толстой вспоминал: «Я его отлично помню. Он был всегда таким серьёзным и настоящим учёным. Что он там в геометрии делает, я тогда ничего не понимал, но мне приходилось с ним разговаривать как с ректором. Ко мне он очень добродушно относился, хотя студентом я был очень плохим...». По воспоминаниям Толстого, Лобачевский говорил ему: «Было бы очень печально, если бы ваши выдающиеся способности не нашли себе применения». «В чём он тогда мог видеть мои способности, уж не знаю», – удивлялся великий писатель...

Перед переходом на юридический факультет Толстой поехал на лето в Ясную Поляну. Всё собирался сказать хозяйничавшей там любимой тётке Татьяне Александровне Ёргольской о своих университетских делах, да так и не собрался. Вернувшись в Казань, он, робея, сообщает ей решение, означающее, что два года пропали даром, и он не выполнил того, за что взялся:

«Хотя и с опозданием, а всё-таки я вам пишу; себе в оправдание я мог бы много наврать, но я этого не сделаю, а просто сознаюсь, что я негодяй, не заслуживающий вашей любви. И хотя он сознаёт это и так же всем сердцем вас любит, но у него столько недостатков, притом он такой лентяй, что не умеет доказать вам своей любви. А за неё простите его. Вот уже три дня, что мы в Казани. Не знаю, одобрите ли вы это, но я переменял факультет и перешёл на юридический. Нахожу, что применение этой науки легче и более подходяще к нашей частной жизни, нежели другие; поэтому я и доволен переменой. Сообщу теперь свои планы и какую я намереваюсь вести жизнь. Выезжать в свет не буду совсем. Буду поровну заниматься музыкой, рисованием, языками и лекциями в университете. Дай Бог, чтобы у меня хватило твёрдости привести эти намерения в исполнение».

На юридическом факультете учебные дела Толстого шли успешнее прежнего. Однако дело осложнялось конфликтом с профессором истории Н. А. Ивановым. В январе 1846 года за непосещение его лекций пришлось сидеть в университетском карцере. Но переводные экзамены Лев всё-таки сдал. Осенью с братьями Сергеем и Дмитрием он переезжает во флигель дома Ф. И. Петонди на углу Покровской и Поперечно-Казанской улиц (ныне дом № 11 по улице Дзержинского). Это было последнее толстовское пристанище в Казани. Братья занимали

шесть комнат и, оставшись без опеки тётушки Полины, оказались совершенно самостоятельны.

Однако самое главное в эту пору – Лев Толстой попадает к профессору Дмитрию Ивановичу Мейеру. Профессор заметил своего нового студента и дал ему самостоятельную тему.

Много лет спустя, в 1904 году, Лев Николаевич рассказывал пианисту А. Б. Гольденвейзеру: «...когда я был в Казани в Университете, я первый год, действительно, ничего не делал. На второй год я стал заниматься. Тогда там был профессор Мейер, который заинтересовался мною и дал мне работу – сравнение «Наказа» Екатерины с «*Esprit des lois*» («Дух законов») Монтескье. И я помню, меня эта работа увлекла; я уехал в деревню, стал читать Монтескье, это чтение открыло мне бесконечные горизонты; я стал читать Руссо и бросил университет, именно потому, что захотел заниматься».

В действительности всё было не так просто.

...11 марта 1847 года Лев Толстой попадает на лечение в университетскую клинику. Здесь он первый раз на продолжительное время оказывается один: при нём никого из двора. 17 марта граф-студент заводит дневник. С него начинается невиданной в мире искренности подробнейшая исповедь великого человека, продлившаяся до последних дней его долгой жизни.

Вот с чего начался в Казани толстовский дневник, написанный ещё другим, не сбросившим старомодности языком:

«17 марта. Вот уже шесть дней, как я поступил в клинику, и вот шесть дней, как я почти доволен собой... Здесь я совершенно один, мне никто не мешает, здесь у меня нет услуги, мне никто не помогает – следовательно, на рассудок и память ничто не имеет влияния, и деятельность моя необходимо должна развиваться. Главная же имеет польза состоит в том, что я ясно усмотрел, что беспорядочная жизнь, которую большая часть светских людей принимают за следствие молодости, есть не что иное, как следствие раннего разврата души».

Здесь же Лев Толстой сравнивает «Наказ» Екатерины с сочинением Монтескье, то есть занимается учебной работой. Через неделю он ставит сам себе шесть правил, пока только для работы, порученной ему профессором Мейером:

- 1) Что назначено непременно исполнить, то исполняй, несмотря ни на что.
- 2) Что исполняешь – исполняй хорошо.
- 3) Никогда не справляйся в книге, ежели что-нибудь забыл, а старайся сам припомнить.
- 4) Заставь постоянно ум твой действовать со всею ему возможною силою.
- 5) Читай и думай всегда громко.
- 6) Не стыдись говорить людям, которые тебе мешают, что они мешают; сначала дай почувствовать, а ежели он не понимает, то извинись и скажи ему это».

Молодой человек, воспитанный женщинами, не имеющий над собой никакой власти, увлекающийся картёжной игрой, тщеславный, сладострастный, ведёт себя с самим собой со строгостью школьного учителя, мнёт себя как глину, создаёт из себя иного человека.

Если не все, то всё-таки многие молодые люди – и по многу раз – ставят перед собой цели в жизни, составляют для себя программы. Намерения Толстого отличаются тем, что у него была очень сильная воля. В казанские годы он вдруг стал человеком, необычайно затрудняющим свою жизнь. Он беспощадно упрекает себя, падая – ставит перед собой задачи подвижника.

В это время Толстой начал серьёзное чтение. Он прочёл двадцать томов Руссо – всё, до музыкального словаря включительно, он надевает на шею медальон с изображением Руссо, он собирается добиться исправления мира через самоисправление...

12 апреля 1847 года Лев Толстой подал прошение об отчислении его из университета. Уже не было в Казани Николая Толстого, заканчивали университет и собирались уехать Дмитрий и Сергей, жила в тульских имениях с Татьяной Александровной Ёргольской сестра Мария. Опека тётушки Пелагеи Ильиничны подошла к концу, она сдала вступавшим в совершеннолетие Толстым дела по имениям.

23 апреля Лев Толстой выехал из Казани в Ясную Поляну. Через некоторое время, расставшись с мужем, уехала из Казани и тётушка Полина – Пелагея Ильинична Юшкова. Умерла она в 1875 году в Ясной Поляне; смерть её тяжело подействовала на Льва Николаевича.

О причинах своего ухода из Казанского университета сам Толстой рассказывал так:

«Меня мало интересовало, что читали наши учителя в Казани. Сначала я с год занимался восточными языками, но очень мало успел. Я горячо отдавался всему, читал бесконечное количество книг, но всё в одном и том же направлении. Когда меня заинтересовывал какой-нибудь вопрос, то я не уклонялся от него ни вправо, ни влево и старался познакомиться со всем, что могло бросить свет именно на этот один вопрос. Так было со мной и в Казани. Причин выхода моего из университета было две: 1) что брат кончил курс и уезжал; 2) как это ни странно сказать, работа с «Наказом» и «Esprit des lois» (она теперь есть у меня) открыла мне новую область умственного самостоятельного труда, а университет с своими требованиями не только не содействовал такой работе, но мешал ей».

Неудавшийся студент Лев Толстой приехал к себе в Ясную Поляну с большими планами. Дом целиком занимать не стал, поставил в кабинете старый кожаный зелёный диван с медными гвоздиками, на котором родился, два-три кресла, на улице установил брус для гимнастики и положил на стол программу на два года:

- 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университете.
- 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической.
- 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский.
- 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретическое, так и практическое.
- 5) Изучить историю, географию и статистику.
- 6) Изучить математику, гимназический курс.
- 7) Написать диссертацию.
- 8) Достигнуть средней степени совершенства в музыке и живописи.
- 9) Написать правила.
- 10) Получить некоторые познания в естественных науках.
- 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать».

Правил для самого себя он писал много и делал это всю свою жизнь, утверждал: «Первое правило, которое я назначаю, есть следующее № 1. Исполни всё то, что ты определил быть исполнену». Беспорочно корил себя за неисполнение этого правила. Зато и сделал столько, что имя его вошло в плеяду величайших сынов человечества.

Казанский музей

Сказать точно дату, когда впервые в Казани встал вопрос об увековечении памяти Толстого, не возьмётся сейчас, пожалуй, ни один краевед. Публикации в местной прессе на тему «Лев Толстой и Казань» появились ещё при жизни писа-

теля. В 1999 году учёные Казанского университета и Музей истории обратились к Президенту Татарстана М. Шаймиеву, и в сентябре 2000 года вышло постановление республиканского Кабинета Министров «О создании в г. Казани музея Л. Н. Толстого».

Музейным объектом суждено стать дому № 15 по улице Япеева (бывший дом Дедевой-Горталова). Именно в этом доме прошла наибольшая часть казанской жизни будущего писателя. В 1922 году Татнаркомпрос установил мраморную доску с надписью: «Мы жили в доме Горталова против острога. Лев Толстой». В 1949 году она была заменена новой с текстом: «Великий писатель Лев Николаевич Толстой жил в этом доме в 1841–1845 годах».

Историческое здание общей площадью 850 кв. метров было передано Национальному музею РТ в безвозмездное пользование.

К сожалению, сейчас усадьба утратила прежний архитектурный облик, не сохранились её первоначальные границы и планировочная структура. У левой границы и на месте сада в советское время возникли новые строения, историческая застройка в значительной степени разрушена. Главный дом – памятник истории и культуры – находится в аварийном состоянии (на 2003 год степень износа составляет 85%).

Начинать с чистого листа всегда непросто. Никаких обещаний и уж тем более гарантий, сроков, финансирования определено не было. Национальному музею отдали здание и сказали: «Стройте!». И начали «строить»: без штатов (были выделены только в январе 2004 года), без денег (их без проектной документации никто не даст), на одном голом энтузиазме.

В 2003 году на научно-методическом совете Национального музея была принята научная концепция создания музея Л. Н. Толстого. Каким будет казанский музей писателя? Понятно, что этот музей не будет похож на другие толстовские музеи: на его стендах не будет мемориальных коллекций, архивных документов, подлинных вещей. Но в руках казанских музейных работников есть мемориальное пространство, которое может и должно «погрузить» посетителя в эпоху 40-х годов XIX века и способствовать пониманию мировосприятия молодого Толстого. Поэтому очень важно воссоздание всего усадебного комплекса. Увы, восстановить городскую усадьбу в её исторических границах уже невозможно, так как практически вся её бывшая территория застроена. Но даже на оставшемся небольшом участке можно сделать многое...

Вскоре проектным институтом ОАО «ГипроВТИ» был разработан проект реставрации и реконструкции мемориального дома, а спустя два года разрешился и земельный вопрос: под восстановление усадебного комплекса на правах постоянного пользования был выделен земельный участок площадью 0,392 га.

Утверждение долгожданной Целевой комплексной программы сохранения культурного наследия «Мирас» вселяет надежду на восстановление мемориального толстовского дома уже к концу нынешнего года – года, когда всё мировое сообщество готовится отметить 180-летие со дня рождения великого Философа, Писателя, Учителя.

В 2010 году нас ждёт ещё один толстовский юбилей – 100-летие его Памяти; это замечательная возможность по-новому оценить и понять, чем является Лев Толстой для русской и мировой культуры, в какой степени мы являемся наследниками этой культуры.

Лев Толстой проживал в Казани с 1841 по 1847 годы. Первые четыре года – в доме Горталова, здесь писатель жил со своими братьями Николаем, Сергеем и Дмитрием. Дом этот является образцом помещичьей усадьбы с мезонином начала XIX века – большая редкость для городской застройки. Долгое время в воздухе висит вопрос о создании в этой усадьбе дома-музея русского писателя, был даже подписан соответствующий Указ президента Татарстана М. Шаймиева, приуроченный к юбилею Льва Толстого и назначен директор. Однако воз и ныне там... Так и стоит на улице Япеева, зарастая лопухами и крапивой, зияя пустыми глазницами старый дом, который только на бумаге – музей, а на самом деле – трущоба!

После того, как в 1844 году Лев Николаевич поступил на восточный факультет Казанского Императорского Университета, семья переезжает в дом Киселевского, в котором ныне размещается Институт развития образования РТ. Именно из окон этого дома он наблюдал за тем, как под барабанную дробь, сквозь строй с розгами, проводят солдата-татарина. Экзекуция эта позднее будет описана писателем в рассказе «После бала».

Мы предлагаем читателям «КА» совершить небольшой экскурс по старой Казани, по маршруту, который предпочитал сам Лев Николаевич Толстой.

Кому балы,

Молодой Лев

Если бы нам удалось перенестись в год 1841-й и пройти по улице Большая Красная, что тянется от Кремлёвской стены до Суворовского училища (в то время – Родионовский институт благородных девиц), то велик был бы шанс столкнуться нос к носу с самим Львом Толстым!

Впрочем, мы, скорее всего, разминулись бы с безусым студентом Казанского Императорского Университета в форме и фуражке с околышем, не признав в нём будущее «зеркало русской революции». Проживал Толстой напротив губернской тюрьмы и частенько, прогуливая лекции, наносил визиты г-же Родионовой. После кофейной церемонии и пустой болтовни по-французски, выходил прогуляться в Неёловую рощу (здесь ныне маршируют суворовцы и построена элитная высотка). Надо сказать, что до революции роща была необычайно ухожена. Сохранились фотографии её утраченных ныне достопримечательностей. «Грот фей», увитый диким виноградом, где в сумраке секретничали девицы, называя мадам Родионову – мегерой, а сторожа, который не пускал их за калитку, – цербером.

«Беседка вздохов» – ажурное строение, повисшее, как ласточкино гнездо, над самым обрывом. Здесь девушки вздыхали по вольной жизни, что шумела пикниками на противоположном краю оврага. Аллея «Променад», мощённая булыжником, по которой можно было бесцельно фланировать, любясь кустами роз и клумбами.

Именно сюда, в институт благородных девиц мадам Родионовой, куда более чем в Университет, любил заглядывать молодой Толстой. Не для того, чтобы кофей попить с пожилой дамой, конечно...

По следам героев «После бала»

Долгое время считалось, что в основе рассказа «После бала» лежит личное наблюдение самого Льва Николаевича. Однако сегодня литературоведы считают, что сюжет был взят писателем из жизни брата Сергея.

Варенька Б., героиня рассказа, была списана с казанской красавицы Хвоцинской, в которую, будучи казанским студентом, Сергей был по уши влюблён.

Вот что он сам о себе говорил: «Был я очень весёлый и бойкий малый, да ещё и богатый. Любил я кататься с гор с барышнями в Русской Швейцарии (ныне здесь парк им. Горького), напропалую кутил с товарищами... Главное же моё удовольствие составляли вечера и балы. Частенько компанию мне составлял мой братец, большой охотник до разного веселья».

Старинное здание казанской Ратуши на площади Свободы до революции являлось Дворянским собранием. На второй этаж ведёт чугунная лестница с двумя бронзовыми китайцами-светильниками по бокам, и вот там, в роскошном зале, где в советское время крутили кино (просмотру очень мешали лепные колонны), когда-то давали балы. Здесь же позднее пел романсы Вертинский, мычал, при-

кому шпицрутены...

плясывая Бурлюк, паясничал Маяковский, гипнотизировал курсисток Игорь Северянин, играл Рахманинов....

Именно в этой зале герой рассказа, прячась за отшлифованную спинами колонну, вживую наблюдал действие будущего хрестоматийного рассказа:

«Видно было, что он когда-то танцевал прекрасно, но теперь был грузен, и ноги уже не были достаточно упруги для тех красивых и быстрых *па*, которые он старался выделять. Но он все-таки ловко прошёл два круга. Когда же он, быстро расставив ноги, опять соединил их и, хотя несколько тяжело, упал на одно колено, а она, улыбаясь и поправляя юбку, которую он зацепил, плавно проплыла вокруг него, все громко зааплодировали...»

Пара Вареньки Б. был «срисован» с начальника казанского гарнизона Андрея Петровича Корейши. Во время экзекуций он «постоянно побуждал солдат бить сильнее, до кости!» В 1846 году он засёк до смерти рядовых Быкова и Чайкина – за самоволку.

Лев Толстой не мог не знать о такого рода изуверствах – «сквозь строй» прогоняли под самыми окнами дома Киселевских, в котором одно время у своей тётки жили братья Толстые. На месте проведения экзекуции ныне разбит садик Толстого. Кстати, рядом жил и сам полковник – дом его стоял на том самом месте, где сейчас главный корпус Технологического университета.

«Когда я вышел в поле, где был их дом, я увидел в конце его, по направлению гуляния, что-то большое, чёрное и услышал доносившиеся оттуда звуки флейты и барабана. В душе у меня всё время пело, и изредка слышался мотив мазурки. Но это была какая-то другая, жёсткая, нехорошая музыка. И я увидел, как он своей рукой в замшевой перчатке бил по лицу испуганного малорослого слабосильного солдата за то, что он недостаточно сильно опустил свою палку на красную спину татарина...»

Надо сказать, что диким это наказание в то время не казалось. Но после выхода рассказа «После бала» Военное ведомство спустило высшему офицерскому составу Рекомендацию: «При проведении дисциплинарных экзекуций среди своих подчиненных, требовать присутствия полкового лекаря для оказания помощи на месте, не допуская тем самым летального исхода наказуемого».

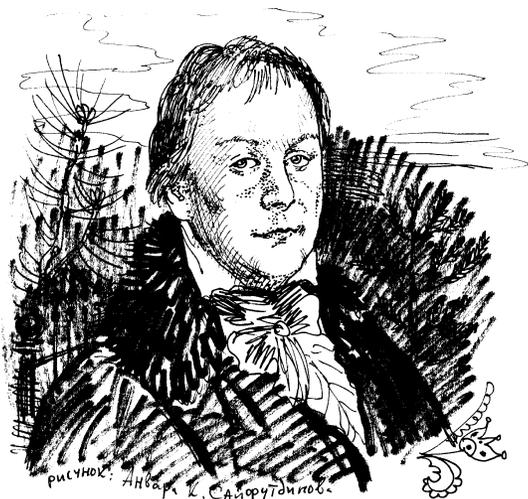
Штрихи к портрету писателя

В своём дневнике Лев Толстой записал однажды: «На меня смерть близких никогда не действует очень больно...» Это «не очень больно» он перенёс на смерть своего любимого сына Ванечки, потом самой любимой дочери Маши.

Как замечали его близкие, писатель любил повторять Марка Аврелия: «Высшее назначение наше – готовиться к смерти!»

Вот ещё одна «странная» мысль в дневнике: «Все думают, что болезнь – пропащее время. Говорят: «Вот поправлюсь – и тогда. А болезнь самое важное время... Это дорогие мне минуты умирания!»

Между Толстым-студентом (у которого медные пуговицы блестели, как и пьяные глаза) и Толстым-писателем (погружённым в думы и отпустившим бороду лопатой) лежит – Казань! Именно в этом городе в нём начали происходить загадочные перемены, эволюцию которых можно проследить по двум полярным записям из того же дневника, сделанным в течение одного года: «Живёт в Москве некто барон Шенинг, у которого есть удивительные японские свиньи. Я видел таких у Шатилова и чувствую, что для меня не может быть счастья в жизни до тех пор, пока не буду иметь таких же свиней!» – «И возненавидел я жизнь, потому что противны мне дела, совершающиеся под солнцем. И возненавидел я весь труд мой...»

родословная

Чудачества, или «Великие злоупотребления» казанского губернатора

«Дед мой, Илья Андреевич, был, как я понимаю, человек ограниченный, очень мягкий и не только щедрый, но и бестолково мотоватый, – вспоминал молодой Лев Толстой, – а главное, доверчивый. В имении его постоянно шло долго не перестающее пиршество, театры, обеды, балы, катания... Всё кончилось тем, что большое имение жены было окончательно запутано долгами, жить стало нечем, и дед начал хлопотать о государственной службе. Так он стал губернатором Казани».

В романе «Война и мир» писатель запечатлел реальные черты своего деда в образе графа Ростова, сохранив даже имя и отчество прототипа: «Старый, добрый и простодушный граф Илья Андреевич Ростов, памятный всем в ярких картинах помещичьей жизни, с охотами, святочными вечерами, с графскими вистами и бостонами, за которыми он, распуская всем на вид карты, давал себя каждый день на сотни обыгрывать соседям, и как почтенный член московского английского клуба, где он устраивал в честь героя, князя Багратиона, великолепный парадный обед со свежю земляникую зимой и с исполинскою стерлядью...»

Черты характера Ильи Андреевича мы найдём и в его внуке Льве Толстом в ту пору, когда он приехал вместе с братьями в Казань для поступления в Императорский университет. Кутил, пил, ухлёстывал, часто проигрывался в карты, реже выигрывал... – во всём этом узнавались «гусарские» гены деда. Однако Лев Николаевич «выныривая» из загульной проруби, всё чаще уединялся и уходил в себя. Вскоре завёл он «Журнал для слабостей», в котором укорял себя за малодушие и пустую жизнь. Так нарождался в его душе писатель и необыкновенный созерцатель жизни и самого себя.

Конечно, имя Ильи Толстого вряд ли бы всплыло из-под спуда истории, если бы не его великий внук. Сам по себе он был заурядным и типичным представителем дворянской среды второй половины XVIII века – раздобревшим чревоугодником и транжирой, пытающимся бороться со скукой помещичьей жизни с помощью балов, кутежей и карт.

Илья Андреевич имел шанс от судьбы проявить свои таланты. Он учился в морском корпусе, был гардемаринном во флоте, потом служил в лейб-гвардии Преображенского полка, вышел в от-

ставку в чине бригадира. В отставке не бедствовал. Во владениях у него – 1200 крепостных душ, 4000 десятин земли, 3 винокуренных завода. Своими «милыми» чудачествами Ильи Андреевич, пожалуй, переплюнул всех известных купцов-кутил Островского и Салтыкова-Щедрина. Так, в припадке влюблённости, он мог запросто послать своих слуг за свежими фиалками в Авиньон на юге Франции или, чтобы удивить дорогого гостя, снарядить гонца в испанскую Сарагосу за маринованными маслинами или в Астрахань – за огромной стерлядью с икоркой! Своё кружевное бельё он непременно отсылал крахмалить в Голландию. И даже когда кредиторы уже стучались в двери усадьбы, Илья Толстой устроил свой последний грандиозный пир с пальбой из пушки и фейерверком. Такой был человек!

Назначение помещика-банкрота, прокутившего все своё состояние, казанским губернатором – было спасением. 26 августа 1815 года Илья Андреевич Толстой приступил к исполнению своих обязанностей. И уже через месяц его ожидало первое испытание – в Казани вспыхнул пожар – крупнейший за всю историю. Горожане спасались от невыносимого жара, стоя по горло в Казанке или Волге, а порох в ружьях солдат и стога сена самовоспламенялись!

К чести новоиспечённого губернатора, он с бесстрашием бросился на усмирение стихии. В помощь немногочисленным пожарным командам были посланы солдаты и народные «дружины». Однако августовская жара и сильный ветер сделали свое дело, и город выгорел наполовину. Впоследствии губернатор Толстой организовал сбор пожертвований в пользу погорельцев и сам показал пример, выделив 500 рублей.

Пепелище ещё долго не застраива-

лось, так как в городской казне не было денег. К этому времени собственные имения Ильи Толстого в Тульской губернии были описаны, а долги составляли более 500 тысяч рублей, и все доходы губернатора, включая его ежегодное жалование, поступали в Приказ общественного призрения для уплаты кредиторам. Кроме того, положение усугубляло пагубное пристрастие Ильи Андреевича к картам...

Но если кредиторы могли ждать, то картёжный долг по существующим правилам требовал немедленной уплаты. Его так и называли – «долг чести»! Здесь, по всей видимости, не раз Толстого выручала городская казна...

Вскоре от «доброжелателей» в Москву самому Аракчееву был послан донос, в котором говорилось о «великих злоупотреблениях» в Казанской губернии. После чего в Казань нагрянул ревизор! Результатом проверки стал Указ Александра I Сенату от 5 февраля 1820 года об устранении графа И. А. Толстого от занимаемой должности без права выезда.

С Толстым случился удар, и 21 марта 1820 года он скончался. Похороны прошли без особых почестей на кладбище Кизического Введенского мужского монастыря. Дело о злоупотреблениях вскоре закрыли за недостаточностью улик.

«Дед, как мне рассказывали, – писал Лев Толстой в «Воспоминаниях», – не брал взятку, кроме как с откупщика, что было тогда общепринятым обычаем, и сердился, когда их предлагали ему, но бабушка, как мне рассказывали, тайно от мужа брала приношения».

Так, может быть, всё-таки ошибался ревизор и ввёл в заблуждение Александра Первого, а сам Илья Толстой стал жертвой интриги? Как знать, если бы только не карты да долги...